

Неизвестное о Шекспире

Методико – библиографический отдел МБУК ЦР МЦБ

*Наш адрес:
347760 п. Целина,
ул. Советская, 17
Тел.: 9-14-71*

Дайджест

(по материалам статей, опубликованных в СМИ)

п. Целина, 2014 г.

Составила библиограф МЦБ: Вихрова Е.И.

*Прислушайся, как дружественно струны
Вступают в строй и голос подают, —
Как будто мать, отец и отрок юный
В счастливом единении поют.
Нам говорит согласие струн в концерте,
Что одинокий путь подобен смерти.*

(Уильям Шекспир)

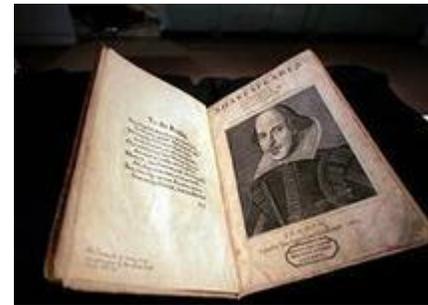
Последние двести лет не утихают споры о причастности человека по имени Уильям Шекспир к авторству гениальных произведений английской литературы. Многие исследователи уверены, что талант мещанина из Стратфорда-на-Эйвоне всего лишь миф, а имя его — псевдоним, с помощью которого настоящий автор успешно сохранял инкогнито. Однако сторонники классического подхода отрицают любые гипотезы. Они не хотят замечать главного — того, что исторические факты ставят под сомнение личность одной из самых важных фигур западной литературы.

Существуют различные взгляды на личность и биографию Шекспира. Основным научным течением, поддерживаемым большинством исследователей, является сложившаяся на протяжении нескольких столетий биографическая традиция, согласно которой Уильям Шекспир родился в городе Стратфорде-на-Эйвоне в состоятельной, но не благородной семье и был членом актёрской труппы Ричарда Бёрбеджа. Данное направление изучения Шекспира называют «стратфордианством». Существует также противоположная точка зрения, так называемое «антистратфордианство» или «нестратфордианство», сторонники которой отрицают авторство Шекспира (Шакспера) из Стратфорда и считают, что «Уильям Шекспир» — это псевдоним, под которым скрывалось иное лицо или группа лиц. Сомнения в традиционной точке зрения известны уже начиная с XVIII века. Вместе с тем, среди нестратфордианцев нет единства относительно того, кто именно был настоящим автором шекспировских произведений. Число вероятных кандидатур, предложенных различными исследователями, к настоящему времени

насчитывает несколько десятков. Как считается, половина (18) пьес Шекспира была опубликована тем или иным образом при жизни драматурга. Главнейшей публикацией шекспировского наследия по праву считается фолио 1623 года (так называемое «Первое фолио»), изданное актёрами труппы Шекспира Джоном Хемингом и Генри Конделом. В это издание вошли 36 пьес Шекспира — все, кроме «Перикла» и «Двух знатных родичей». Именно это издание лежит в основе всех исследований в области шекспироведения.

William Shakespeare

(1564 — 1616)

Шекспировский вопрос

О Шекспире правды не знает никто, есть лишь легенды, мнения, некоторые документы и его великие произведения...

Имя Шекспира всегда было окутано тайной. От него не осталось ни рукописей, ни прижизненных портретов, ни отзывов современников. Даже смерть великого драматурга прошла не замеченной в литературных кругах.

Биографические сведения о Шекспире скудны и, часто, недостоверны. Исследователи полагают, что как драматург он начал выступать с конца 80-х годов XVI в. В печати фамилия Шекспира впервые появилась в 1593 (1594) г. в посвящении графу Саутгемптону поэмы «Венера и Адонис». Между тем, к тому времени на сцене уже было поставлено не менее шести пьес драматурга. «Первый Фолио» — произведения Уильяма Шекспира вышли спустя семь лет после его смерти. Его произведения не имеют точной хронологии и в первый фолио вошли следующие: «Ричард III», «Генрих IV», «Укрощение строптивой», «Комедия ошибок», «Много шума из ничего», «Двенадцатая ночь», «Два джентльмена из Вероны», «Ромео и Джульетта».

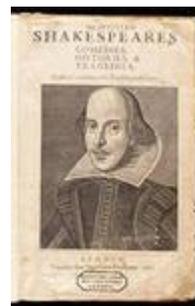
Двести лет спорят о том, кто был Уильям Шекспир, величайший драматург, поэт и писатель всех времен и народов.

Почему вообще возник такой вопрос? Никто же не сомневается, что Микеланджело, Рафаэль, Архимед или Софокл, например, существовали вполне реально. Но если двести лет люди бьются над ответом, значит вопрос, загадка все-таки есть?

Никаких сведений о его жизни мы не имеем, за исключением расписок его должников, документов об откупе им церковной десятины и завещания — очень странного завещания, в котором нет ни единого намека на литературную деятельность этого человека. Есть, правда, памятник Шекспиру в его родном городе Стратфорде, но изображенный на нем совершенно не похож на свои портреты, украшающие собрания сочинений. (Между прочим, все имеющиеся живописные портреты Великого барда являются, по определению исследователей, фальсификациями. Единственный портрет «настоящего» Шекспира находится в «Первом фолио», где глазам читателя предстает человек в средневековом костюме, с широким плеченым воротником, на котором, как на блюде, лежит огромная голова с непропорционально вытянутыми лбом и подбородком и безжизненными глазами. Игра теней создает ощущение, что изображенное лицо — всего лишь маска).

Редчайшее первое издание пьес Уильяма Шекспира

Эти и ряд других несоответствий породили так называемый «шекспировский вопрос». Начиная с XIX века, шекспироведение разделилось на два враждующих лагеря: стратфордианцев (т.е. признающих автором Шекспира (Шакспера) из Стратфорда и нестратфордианцев (пытающихся найти реального автора, скрывающегося под маской). Последние, в свою очередь, выдвинули несколько «кандидатов в Шекспиры. Какова же истинная история величайшего в мире драматурга, почти четыре века будоражившая человечество?... «Мир — театр, а люди в нем — актеры», — писал он — и создал спектакль, равного которому никогда не было и, наверное, не будет. В этом спектакле задействованы ВСЕ, кому знакомо ЕГО имя. Имя этого человека — ШЕКСПИР.

Загадка человека из Стратфорда-на Эйвоне

В 1785 году преподобный доктор Джеймс Уилмот, настоятель небольшой приходской церкви в городке Стратфорд-на-Эйвоне, увлекся поиском наследия литературного чуда Англии. Доктор Уилмот искал любую информацию, которая могла бы прояснить загадочную жизнь выдающегося поэта. В течение четырех лет им были изучены архивы, письма,

городские легенды и семейные истории; он прочесал все графство Уорикшир в поисках книг и других артефактов, имеющих отношение к драматургу. Преподобный выяснил, что согласно церковным записям человек, родившийся в Стратфорде 3 апреля в 1564 году и крещенный как Уилл Шакспер, был сыном простых необразованных торговцев перчатками. Он начинал как ученик мясника, а затем, покинув родной город, преуспел в коммерции и стал пайщиком театра. По другим сведениям его мать, Мария Арден, была дочерью фермера, а его отец Джон Шакспер, был продавцом шерсти и стал мэром Стратфорда в 1568 году.

В 1582, 27 ноября Уилл Шакспер женился на Энн Хэтэвей, которая была на 8 лет старше его. Шакспир имел троих детей: Сюзанну и близнецов Хэмнета и Джудит. Покинув семью и Стратфорд в 1592 году, он отправился в Лондон и стал актером в труппе королевского театра «Глобус». С 1595 года Шакспер является одним из владельцев «Королевская труппа Джеймса I». В 1599 году он стал одним из владельцев театра «Глобус», а в 1608 — совладельцем Доминиканского театра. К концу своей карьеры в Лондоне Шакспер стал довольно состоятельным человеком, чтобы позволить себе купить дворянский титул и дом в Стратфорде. Однако, по неизвестным причинам он покидает Лондон и возвращается в свой родной город, где вскоре, 23 апреля 1616 года, умирает в возрасте 52 лет. Что же документально известно о том, кого считают автором пьес — Шакспере (согласно правильному написанию фамилии в церковных книгах и других официальных бумагах — Shakspeare) из Стратфорда? Сначала о нем вообще ничего не знали. При жизни его нет следов и свидетельств того, чтобы кто-то принимал его за писателя. Через 50-100 лет после его смерти стали искать эти следы, документы. И вот что

узнали: вся его семья — отец, мать, жена и — о ужас! — дети — были неграмотны. И от него самого не осталось ни одного клочка бумаги, написанного его рукой.

Не найдено ни одной книги из его библиотеки (в то время как от многих других его современников и сейчас еще продолжают находить книги с подписями, чем-то вроде экслибрисов и прочее).

Зато есть документы, показывающие, что Шакспер из Стратфорда занимался мелким ростовщичеством, упорно преследовал своих соседей — кузнеца, аптекаря — за долги по судам. Был активным приобретателем. Нет никаких данных, что он получил хотя бы начальное образование. Предание говорит, что он немного учился в городской начальной школе (вроде нашей церковноприходской), а отец Шакспера, испытывая трудности, рано забрал сына Уилла из школы и сделал его подмастерьем.

Все это было тогда обычным явлением, но где же он мог обрести высочайшую, ни с чем не сравнимую образованность, эрудицию, знание языков и т. д.?

Шакспер был членом актерской труппы. А также он был пайщиком театра, то есть актером-совладельцем — это подтверждено документально. Считают, что он давал туда свои пьесы. Это как бы был его вклад в дело. Прекрасное предположение, но оно не подтверждено никакими документами. Нет никаких документальных указаний на то, что кто-то из актеров труппы «Глобуса» считал Шакспера при жизни писателем, драматургом.

Обратимся к завещанию Шакспера, составленному нотариусом с его слов. Его нашли через сто с лишним лет. Человек, который его отыскал, был в отчаянии. Он писал своему другу, что в завещании нет ни одного слова, которое могло бы быть связано с Шекспиром — Великим Бардом. Там расписаны ложки, вилки, деньги на несколько поколений вперед, проценты, пенсы... Все расписано — вплоть до посуды и кровати. И — нет ни одного слова о книгах, хотя многие книги стоили дорого.

А где его рукописи? Имя Шекспира было в то время уже известно, издатели за его пьесами, сонетами гонялись. А как к ним попадали шекспировские рукописи, неизвестно. Его современники — писатели, поэты, драматурги — зарабатывали на этом. Все, кроме него! Он,

который за два фунта гонял по судам неимущего должника и, вероятно, засадил в тюрьму соседа-кузнеца (пролетария, по-нашему), совсем не упоминает какие-то рукописи. А ведь за пьесу можно было получить у тогдашнего издателя шесть фунтов!

Когда умер Шакспер из Стратфорда, никто в Англии не произнес ни звука! Единственный отклик на смерть гения — запись в стратфордском приходском регистре: «25 апреля 1616 погребен Уилл Шакспер, джент.».

В те времена было принято: когда умирает поэт, может, даже не очень известный, коллеги писали на его смерть элегии, издавали памятные сборники. На смерть Джонсона — целая книга элегий. Умер Бомонт — торжественные похороны, элегии. Умирает Дрейтон (кто у нас знает Майкла Дрейтона?) — студенты образуют целую процессию по улицам города (кстати, Дрейтон был незнатного происхождения и беден)... Целые сборники оплакивали кончину Сидни, Спенсера... А здесь — ни слова, ни звука. Так или иначе, человек по имени Уилл Шакспер был обывателем, не имевшим отношения к литературе, которого по завершении его небогатой событиями жизни, похоронили без церемонии в могиле с дешевым надгробием. Результаты изысканий ошеломили Уилмота, и он, не желая развенчивать легенду, молчал о своем открытии долгие годы. Но, в конце концов, признался, что, несмотря на тщательные поиски, он не обнаружил никаких подтверждений тому, что Уилл Шакспер был автором приписываемых ему литературных произведений. Позже Марк Твен, Уолт Уитмен, Генри Джеймс, Ницше, Зигмунд Фрейд и еще многие ученые и писатели пришли к такому же выводу.

Фантастические несовпадения

Еще одна попытка разгадать тайну Шекспира — книга Ильи Гилилова, российского ученого и литературоведа — «Игра об Уильяме Шекспире, или Тайна Великого Феникса», вызвавшая огромный интерес и резонанс. На основе этой книги приведем основные, и признаться, веские доводы, используемые нестратфордианцами.

Настоящий Шекспир обладал огромным объемом знаний, которые человек из Стратфорда, учитывая его происхождение и образ жизни,

едва бы приобрел.

Произведения Уильяма Шекспира свидетельствуют о том, что этот человек обладал гигантским, ни с чем не сравнимым объемом активного лексикона — от 20 до 25 тысяч слов, в то время как у самых образованных и литературно одаренных его современников типа философа Френсиса Бэкона — около 9-10 тысяч слов. Современный англичанин с высшим образованием употребляет не более 4-5 тысяч слов. Шекспир же, как сообщает Оксфордский словарь, ввел в английский язык около 3200 новых слов — больше, чем его литературные современники Бэкон, Джонсон и Чапмен, вместе взятые.

Автор «Гамлета» владел иностранными языками и, был знаком с трудами греческих и римских классиков.

Автор пьес хорошо знал французский язык (в «Генрихе V» целая сцена написана на французском), итальянский, латынь, разбирался в греческом, прекрасно ориентировался в истории Англии, в древней истории и так далее. Сюжет «Гамлета» взят из книги французца Бельфоре, переведенной на английский только через сто лет (!). Сюжеты «Отелло» и «Венецианского купца» заимствованы из итальянских сборников, также появившихся на английском только в XVIII веке. Сюжет «Двух веронцев» взят из испанского пасторального романа, до появления пьесы никогда не публиковавшегося на английском. Установлено, что Шекспиру была прекрасно известна греко-римская мифология, литература, история, он использовал сочинения Гомера, Овидия, Сенеки, Плутарха, причем не только в переводах, но и в оригиналах. Исследованиями ученых установлена основательность познаний автора пьес в английской истории, юриспруденции, риторике, музыке, ботанике (специалисты насчитали 63 названия трав, деревьев и цветов в его произведениях), медицине, драматург был сведущ в военном и военно-морском деле (доказательством последнему — команды, отдаваемые боцманом в «Буре»). Кроме того, Шекспир разбирался в забавах знати, например, в соколиной охоте и медвежьей травле.

Ему прекрасно были известны Северная Италия, Падуя, Венеция...

В пьесах Шекспира действие разворачивается в Италии, Дании и Франции. Учитывая отличную осведомленность об этих странах, можно предположить, что автор путешествовал по Европе. Однако, нет источников, указывающих на то, что стратфордский Шакспер когда-либо уезжал далее Лондона. Автор «Генриха V» разбирался в политике. Бисмарк — немецкий государственный деятель — подметив это, писал, что «поэт был причастен к государственным делам и к закулисной политической жизни». (Кстати, Бисмарк тоже сомневался в драматургическом таланте стратфордского Шакспера). Таким образом, в произведениях Шекспира видны следы чрезвычайно эрудированной личности, высоко образованной, владеющей языками, знающей другие страны, быт самых высокопоставленных кругов тогдашнего английского общества, включая монархов, знакомой с придворным этикетом, родословными, языком самой высокородной знати. Тем не менее, несмотря на многолетние исследования, так и не обнаружилось ни одного документа, написанного собственноручно Шакспером. Нет рукописей, черновиков, дневников и писем. В его завещании, продиктованном адвокату, не упоминается литературное наследие, но перечислен весь домашний скарб, включая жестяную перечницу. Современные графологи, изучив подпись Шакспера под «последней волей, сделали вывод, что он не привык держать перо в руке. Он был едва грамотен, а его жена и дети совершенно не умели читать и писать. Ни один писатель времен Елизаветы I не упомянул об Уилле Шакспере из Стратфорда как о поэте или драматурге. Французский литературовед и историк Ипполит Тэн в XIX веке писал: «Наши знания о Шекспире ограничиваются сведениями о рождении, женитьбе, и переезде в Лондон. Мы уверены только в том, что он переделывал чужие пьесы, сделал завещание и умер».

На чьей стороне правда?

Очевидно, что шекспировский вопрос возник из-за невиданного в мировой культуре противоречия между тем, что известно об авторе из его произведений, и теми бесспорными фактами, которые говорят о жизни и делах Уильяма Шекспира (Шакспера) из Стратфорда. При этом не следует, конечно, игнорировать белые пятна в шекспировской биографии и утверждать, что они не порождают

вопросов и сомнений. Но ответы на многие из них могут быть чрезвычайно простыми, лежащими на поверхности, и не требуют создания некоего «другого» Шекспира, который скрывался под маской Шакспера. По совету средневекового английского философа Уильяма Оккама — «Не следует без нужды плодить новые сущности». Прислушаемся же теперь к аргументам других историков и шекспироведов.

Так ли ничтожен Уильям Шакспер?

Среди немногих достоверно известных фактов биографии Уильяма Шакспера есть один, достойный осмысления, но мимо него с легкостью проходят те, кто уверен в ничтожестве его личности. Это внезапная ломка судьбы тридцатилетнего человека, который вырос в провинциальном городе, был выгодно женат на женщине значительно старше его, нарожавшей ему детей, а затем вдруг покинул этот привычный мир и уехал в Лондон, став комедиантом. Он присоединился к людям, считавшимся бродягами, не имевшими даже постоянных помещений, где они могли бы заниматься своим ремеслом (первый театр в Лондоне строился уже после того, как Шакспер сделался актером). Блага, гарантированные прежним социальным статусом, он променял на непостоянство Фортуны, вовсе не благоволившей к бродягам-лицедеям, которых постоянно изгонял из деловой части Лондона лорд-мэр.

И в этой новой для себя среде он преуспел. Играя на, сцене, перелицовывая старые пьесы и творя собственные (?), он сумел выделиться на фоне остальных актеров-профессионалов, стать пайщиком труппы, сколотить достаточное состояние, чтобы к концу жизни купить себе дворянское звание. Мы ничего не знаем о его реальной жизни в Лондоне, но сама среда, в которой он вращался, хорошо известна: это был мир актеров и их аристократических покровителей, королевский двор, где они нередко ставили спектакли и могли лицезреть королеву, дома знати, куда писателей приглашали, чтобы заказать им сценарий для живых картин или любительских пьес-масок. Здесь ценилась незаурядность, и Шекспир из Стратфорда не затерялся в вихре столичной жизни. Он каким-то образом был замечен графом Саутгемптоном и, возможно, представлен им

молодым, блестящим аристократам графам Эссексу и Рэтленду. Именно Шакспер, а никто другой, заинтересовал последнего (даже если предположить, что Рэтленд выбрал его лишь для участия в своей грандиозной литературной мистификации). Уже одно это не позволяет говорить о его заурядности.

Другой поворотный момент в судьбе Шекспира также не получает никакого истолкования — столь же внезапный разрыв с театральным миром и возвращение в Стратфорд. Даже если предположить, что он не был творцом гениальных пьес, неясно, почему преуспевающий делец, каким он видится нестратфордианцам, не остался в столице, где так успешно вел дела? Что заставило его вернуться? Чувство долга перед семьей, которая была чужда ему и покинута на многие годы? Болезнь, усталость от жизни? Философическое умонастроение на закате жизни и сознательное направление ее в новое русло? Мы не знаем ответов, но это не значит, что можно игнорировать вопросы и с легкостью отказывать человеку в глубине душевных переживаний только на том основании, что мы о них мало знаем.

Гений и крохоборство — «две вещи несовместные»?

Сомнения относительно личности Шекспира зародились в XIX веке, на закате аристократической эпохи истинных джентльменов. В основе их, помимо естественного обывательского изумления перед необыкновенной одаренностью драматурга, его работоспособностью и плодовитостью, лежал, несомненно, и интеллектуальный снобизм: неготовность признать, что божественным даром мог оказаться наделен человек невысокого социального статуса и совершенно заурядной биографии. «Комплекс Сальери» свойствен тем, кто, как в XVI, так и в XX веке, не в силах допустить, что актеришка из провинциального Стратфорда мог затмить «университетские умы» и столичных драматургов.

Ту же психологическую природу имеют и многие претензии, предъявляемые к Шаксперу: его герои благородны и исполнены прекрасных порывов, а их создатель оказался человеком, наделенным практической сметкой, «крохобором», который не чуждался ссудить деньги под процент и (о, ужас!) вести тяжбы с должниками. Действительно, неблагородно. Но столь естественно для одиночки,

борющегося за выживание в столице и пробивающего себе совершенно новый путь.

Деловые качества сами по себе не могут служить основанием для обвинения в душевной ограниченности. Невольно в связи с этим на ум приходят полные грустной иронии строки другого гения: «Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать». Когда речь заходит о завещании Шакспера, нестратфордианцев вновь задевает приземленность, сугубо деловой стиль, в котором тот распределяет между родственниками свой скарб. Но ведь, кажется, в этом и заключается смысл завещания? Или гению следует непременно писать его стихами? По справедливому замечанию И. Гилилова, известны духовные завещания, написанные в ином, возвышенном ключе, однако, как правило, они составлялись задолго до смерти и являлись плодом литературного творчества — «искусства умирать». Завещание же Шакспера, по-видимому, составлялось в момент серьезной болезни, поэтому и написано рукой клерка, и едва ли в этой ситуации в нем могли появиться философско-поэтические пассажи. Другая интригующая нестратфордианцев деталь — отсутствие среди упомянутого имущества книг и рукописей. Отметим, однако, что они не значатся только среди материальных ценностей, передаваемых родственникам, как известно, людям мало или вовсе неграмотным. Что толку было бы им в его книгах и бумагах? Быть может, он продал их, покидая Лондон, или отдал друзьям, мы этого никогда не узнаем, как и того, что стало с рукописями пьес и стихов. Разрыв с прежней жизнью и сценой мог ознаменоваться душевным кризисом и даже их уничтожением. Все его пьесы были сыграны, сказки рассказаны, души отпущены в родные стихии. Дальнейшее — молчанье...

Закат мастера или мистификатора?

Доживать последние годы своей жизни Шекспир-Шакспер вернулся в сонный Стратфорд, который не всколыхнулся при появлении известного драматурга (и этот факт на всякий случай многозначительно подчеркивают нестратфордианцы: мол, встречали великого поэта не по чину, и это неспроста). Приходится констатировать, что именно к Шекспиру, которого в Лондоне считали популярным, в провинции отнеслись с полным равнодушием.

И это кажется вполне естественным, если задуматься о понятии «великий», которым мы так привычно оперируем. Таковым сделало для нас Шекспира столетия, в течение которых его пьесы подвергались новым и новым интерпретациям, писались критические статьи и создавались учебники. Теперь же мы невольно переносим современные представления о широкой известности литератора, «властителя дум», на совершенно иную эпоху, когда подлинный масштаб этой личности еще не был и не мог быть вполне осознан. В XVI веке его популярность ограничивалась достаточно узким кругом высокообразованной аристократии.

Успех же шекспировских пьес отнюдь не означал, что имя их автора хорошо известно хотя бы лондонской публике. Простонародье, заполнявшее партер «Глобуса», не интересовало драматурга, его в первую очередь привлекали занимательный сюжет, страсти и проливаемая на сцене кровь. Должны ли мы удивляться вялой реакции стратфордцев, узнавших, что в город вернулся блудный сын, поставивший где-то в столице десяток пьес? Ремесло актера или драматурга, считавшееся низким, никак не могло прибавить в их глазах авторитета человеку, который был сыном добропорядочного горожанина, но потом подался в комедианты.

Шекспир занемог и вскоре перешел в мир иной, не будучи горько оплакан ни в Стратфорде (что совершенно естественно), ни в Лондоне. И. Гилилов полагает, что молчание столичных собратьев по перу говорит только об одном: Шаксперу не писали траурных элегий, поскольку знали, что он не был Шекспиром.

А ведь далеко не все современники были готовы признать величие, а тем более гениальность того, кого слишком близко знали, соперничали, а многие, активно недолгобливали этого «выскочку-актера», ослепленные собственными амбициями.

К тому же есть еще один нюанс, который очевиден для историка: сложность социальных взаимоотношений. Занятие интеллектуальным трудом, творческий гений лишь на первый взгляд уравнивал людей разных сословий, и в XVI веке современники никогда не утратили бы чувства дистанции между джентльменом-поэтом, предававшимся этому занятию на досуге, и поэтом, выбившимся в джентльмены благодаря своему ремеслу. Первых было принято прославлять, вторых в лучшем случае хвалить в своем кругу. Не следует также забывать и

об иерархии «высоких» и «низких» жанров в самой литературе той поры: поэтическая лирика или роман считались престижными формами, в то время как театральная драма оставалась «золушкой». Не случайно Шекспир, кем бы он ни был, издавал при жизни только свои поэмы и сонеты и никогда — пьесы; этого не делали и другие драматурги. Бен Джонсон первым рискнул напечатать собрание своих пьес и подвергся за это граду насмешек. Приход в литературу с подмостков не был престижным.

В перечне имен поэтов, увенчанных посмертными лаврами, содержится и ответ, почему среди них нет Шекспира. Его там и не могло быть. Это были поэты-аристократы, на равных говорившие с государями. Будь Шекспир трижды гениален, он никогда не смог бы удостоиться таких почестей из-за социальных предпочтений общества. Наверняка даже у самого заурядного поэта, если он обладал титулом и влиятельной родней, было больше шансов вызвать у собратьев поток слезливых и надуманных комплиментов, чем у безродного гения. Шекспир же, покинув столицу и возвратившись в Стратфорд, вообще перестал быть интересен даже тем, кто знал его близко, ведь он — уже не соперник другим драматургам, его пьесы постепенно сходят со сцены, а тексты пьес не напечатаны.

Стоит ли ждать бурной реакции на его смерть в столице, если само известие о ней могло достичь Лондона спустя много месяцев? Ведь мы имеем дело с эпохой, еще не знавшей средств массовой информации, и вполне уместно задаться вопросом: а как и когда стало известно о кончине Шекспира его друзьям и коллегам? Мысль о том, что кто-то из его невежественных родственников специально предпримет поездку в столицу, разыщет знакомых покойного с единственной целью сообщить им об этом, кажется нереальной. Откуда же взяться немедленному и слаженному хору плакальщиц?

Шекспир и могильщики

После смерти в родном Стратфорде Шекспиру изваяли незамысловатый надгробный памятник, за который было уплачено по всей вероятности, родней. На этот памятник противники традиционной версии обрушили такой град насмешек, что, сохранись он в первоизданном виде до наших дней, несчастное изваяние, подобно

каменному командору, покинуло бы свою нишу, чтобы постоять за свою честь. Для нестратфордианцев этот примитивный образ покойного Шакспера — лишнее доказательство того, что он попросту не мог быть великим поэтом, и здесь в ход идут аргументы: и лицо его излишне округло, и лысина неблагородна, и нос курнос, одним словом — слишком мало демонического и слишком много обыденного для гения. К тому же, — вот лишнее доказательство того, что он не был литератором! — он изображен без пера и бумаги, а опирается на непонятный тюк.

Но давайте зададимся вопросом, а мог ли этот бюст выглядеть иначе? Его ваял, спустя шесть лет после смерти Шекспира-Шакспера, третьеразрядный скульптор. При этом, изготавливая надгробие, он отнюдь не следовал свободному полету своей фантазии, а выполнял волю заказчиков — родни, которая и определяла, каким именно мир увидит их покойного сородича. Надолго покинутое им и оставшееся малограмотным семейство сделало все, чтобы поддержать репутацию своего блудного сына: Шекспир изображен именно так, как им виделся добропорядочный горожанин. Пресловутый же мешок — лучшее, что они могли вложить в его руки, ибо это — символ почтенного фамильного занятия — торговли шерстью, к которой в Англии относились с огромным трепетом (вспомним аналогичный мешок с шерстью в английском парламенте).

Таким образом, этот скульптурный портрет отражает представления шекспировского семейства о престижном надгробии и имеет мало отношения к самому покойному, бессильному что-нибудь изменить и, как сказал бы Гамлет, не имевшему «ничего в запасе, чтобы позубоскалить над собственной беззубостью». В то же время совершенно естественной выглядит смена атрибутов в надгробии при его позднейшей реставрации: ведь переделки совершали лишь уже после того, как в свет вышло «Первое Фолио» с пьесами Шекспира, и его произведения стали расходиться большими тиражами. Быть может, посмертная слава и коммерческий успех примирили родню с мыслью, что быть известным писателем не менее престижно, чем простым бюргером, и они позволили заменить мешок с шерстью на лист бумаги и перо? В любом случае памятник ни в первоизданном, ни в измененном виде не может служить целям идентификации реального

Шакспера, поскольку это беспомощная попытка современников изобразить Шекспира таким, каким он им виделся.

Псевдоним аристократа

В качестве авторов творений великого Барда рассматривались кандидатуры Фрэнсиса Бэкона, графа Эссекса, Кристофера Марло, графа Дэрби, Графа Рэтленда и даже Елизаветы I. Каждая из гипотез имела сторонников и противников, твердые доказательства и оспариваемые слабые стороны.

Граф Рэтленд в роли Шекспира

Писатель Илья Гилилов предлагает свое решение загадки, над которой так долго ломали головы и копья признанные шекспироведы всего мира. По его мнению это был грандиозный по исполнению замысел. Версия гласит: молодой остроумный граф Рэтленд, из скромности подписывавший свои произведения вымышленным именем Shake-Speare, был приятно удивлен, обнаружив в театральной труппе, ставившей его трагедию, практичного малого с фамилией Shakspeare, всего лишь двумя буквами отличающейся от знаменитого псевдонима. Вполне вероятным видится автору, что Шакспер из Стратфорда за обещанное неплохое вознаграждение охотно включился в игру. Умение держать язык за зубами и неграмотность последнего, считает он, обеспечили успех совместному предприятию. А настоящий автор получил желанный покой и отдохновение от мирской славы.

Главы, посвященные чете Рэтлендов,- несомненная удача И. Гилилова. Они тактично воспроизводят трагическую историю этой удивительной супружеской пары, которая, будучи лишена счастья в браке из-за болезни мужа, предавалась совместному поэтическому творчеству. Они были сердцем литературного кружка, в который входили знаменитая Мэри Сидни, Бен Джонсон и другие поэты, и, как убедительно доказывает автор, с удовольствием занимались мистификациями, к которым он относит и изобретение «драматурга Шекспира». Правда, И. Гилилов не замечает, что во всех прочих случаях их литературных забав никто не брал на себя труд тщательно

их вуалировать, напротив, шутовской характер этих веселых розыгрышей всячески подчеркивался и выставлялся напоказ. Весьма вероятно, что после смерти Рэтленда его жена добровольно последовала за ним, покончив с собой, и их творческий союз прекратился, но значит ли это, что одновременно с ними погиб и Шекспир, плод фантазии одного из них или обоих? Строго говоря, все аргументы автора в пользу этой версии являются косвенными и уязвимыми.

Отказывая «крохобору» Шаксперу в праве быть гением, И. Гилилов отдает это право «целомудренному Рэтленду», который, однако, страдает венерической болезнью, отравившей его брак и сделавшей несчастной его жену. Но если он пишет под именем Шекспира, чтобы развлечь графиню, то в свете высоких моральных качеств, приписываемых Рэтленду, и его безмерной платонической любви к жене несколько странными в его устах выглядят лирические строки о «смуглой леди сонетов», чрезвычайно живой образ которой едва ли мог порадовать его рыжеволосую супругу. С другой стороны, в «белокуром друге» из сонетов легко угадывается граф Саутгемптон, который не только действительно близкий приятель Рэтленда, но и покровитель реального Шакспера.

В теории «Рэтленд — это Шекспир» обнаруживается немало противоречий и психологического свойства. Автор постоянно подчеркивает, что множество людей знали о том, кто был истинным Шекспиром: кембриджские однокашники Рэтленда, М. Сидни, Бен Джонсон, издатели и печатники, но все они десятилетиями хранили эту страшную тайну из уважения к чете Рэтлендов. Неясно, однако, почему все они так серьезно относились к литературной игре, что страшного могло быть в невинной мистификации? Почему следовало хранить молчание о ней даже спустя много лет после кончины Рэтленда, в то время как слухи о действительной тайне этой семьи — недуге мужа — тем не менее, просочились и обсуждались при дворе, как и намеки на то, что в глазах современников действительно могло выглядеть страшным грехом — на самоубийство графини Рэтленд. Трудно поверить в странную тактичность десятков осведомленных людей, которые не поделились с потомками сведениями о том, кто всего-навсего подписывал гениальные стихи вымышленным именем.

Тайна Эдуарда де Вера, графа Оксфорд

В 1920 году англичанин Томас Луни, проанализировав шекспировские произведения, сделал сенсационный вывод, что автором вполне мог быть Эдуард де Вер, семнадцатый граф Оксфорд. Основным аргументом стала удивительная схожесть биографических фактов и идей в частной переписке графа с сюжетами шекспировских пьес. Сохранилась личная Библия Эдуарда де Вера с комментариями, написанными им собственноручно, которые, по сути, являются цитатами из пьес Шекспира. Также большая часть из 3 200 новых слов, якобы созданных Шекспиром и внесенных в Оксфордский словарь английского языка, обнаружилась в написанных ранее письмах Эдуарда де Вера.

В отличие от Уила из Стратфорда, сына неграмотных родителей, Эдуард де Вер был рожден в литературной семье. Его отец покровительствовал театру и драматургу Бейлу Джону. Дядя Эдуарда де Вера — Генри Говард, пятый граф Суррей, придумал стихотворную форму английского сонета. Кстати, этой формой впоследствии воспользовался Шекспир, и теперь она называется «шекспировской». Благодаря влиянию дяди по материнской линии — Артуру Голдингу, переводчику «Метаморфоз» Овидия, юный Эдуард изучал языки, зарубежную и английскую литературу. Рано потеряв родителей и воспитываясь в разных семьях, Эдуард де Вер сумел получить прекрасное образование. Он имел две степени магистра в Кембриджском и Оксфордском университетах, изучал право в течение трех лет, путешествовал по Италии и сделал карьеру правоведа, политика и придворного. Кроме того, интересуясь драматургией, он финансировал театр «Блокфрайаре» в Лондоне. Граф Оксфорд издал несколько ранних стихотворений под своим именем. Поэзия Эдуарда де Вера стилистически схожа со стихами Шекспира, и литературоведы затрудняются при их идентификации. По словам английского писателя Джоржа Паттенхэма, граф Оксфорд был известен современникам как поэт и драматург, однако скрывал свое авторство под псевдонимом. Граф Оксфорд перестал публиковаться в 1593 году. Тогда же имя Уильяма Шекспира впервые появилось на рукописи. Псевдоним «Шекспир» был выбран не случайно. На

фамильном гербе де Веров изображен рыцарь с копьем в руке, а по-английски Shake-speares звучит буквально как «потрясающий копьем». Сохранились издания, где на обложке фамилия так и написана через дефис, а имя вообще не указано. Почему Эдуард де Вер спрятался за псевдоним? Наверняка, руководствуясь соображениями безопасности, и для сохранения безупречной репутации. Анонимность в то время была в порядке вещей. Если писатель позволял себе литературные излишества с нарушением политкорректности, то ему и его семье грозила тюрьма. А почти все пьесы Шекспира содержат завуалированную сатиру и пародируют политиков и придворных. Кроме того, граф не мог публично объявить себя драматургом — это занятие считалось низким, поскольку общественные театры, такие как «Глобус», посещали простолюдины и представители дна общества — проститутки, пьяницы и негодяи всех мастей. Потомственному английскому аристократу и доверенному лицу королевы не пристало быть кумиром улицы. После смерти Эдуарда де Вера его наследники поддержали мистификацию, очевидно преследуя те же цели, что и сам поэт. Семнадцатый граф Оксфорд умер в 1604 году. Где его могила — точно неизвестно, хотя его двоюродный брат Персиваль Голдинг писал, что граф был похоронен в Вестминстерском аббатстве, месте захоронения великих людей Англии. По утверждению исследователей, его произведения продолжали издаваться семьей под псевдонимом до 1616 года. А в 1975 году Британская энциклопедия (15-е издание), фактически официально поддержав гипотезу, заявила: «Эдуард де Вер является самым вероятным претендентом на авторство пьес Шекспира».

Послесловие

Вера в тайны и загадки истории — одна из удивительных склонностей нашего ума, здоровая интеллектуальная потребность видеть явления более сложными, чем они кажутся на первый взгляд, обнаруживать необычное «за», казалось бы, плоским и обыденным. Это наш бунт против банальности.

Пока тайна дразнит разум, мы будем продолжать искать ответы на поставленные нами или придуманные вопросы, а попутно открывать для себя и глубже постигать эпоху Шекспира, кем бы он ни был.